

ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ

В современной историографии и общественном сознании сложилась картина полицейского периода нацистской оккупации Беларуси, когда властвовал беспредел, к мирным гражданам применялось насилие, велась борьба с участниками движения Сопротивления [1, с. 103–110]. В белорусских архивах сохранился комплекс документов (заявления граждан, протоколы допросов, постановления следователей, служебная переписка начальников районной полиции с начальниками отделений), позволяющих реконструировать оперативно-служебную деятельность полиции.

Оккупационные власти, создавая службу охраны порядка (полицию) из числа местного населения, помимо борьбы с партизанами и подпольщиками, преследовали цель использовать ее для поддержания общественного порядка, поскольку в условиях затяжной войны и незнания местных реалий, у немцев не было сил делать это самостоятельно. В «Предписании для Службы порядка командующего областью» (тылом группы армий «Центр». – *Е. Г.*) круг обязанностей полиции был очерчен следующим образом: 1) содействие при разрешении уголовно-полицейских задач, надзор за важнейшими хозяйственными угрозами, патрулирование для предотвращения воровства, грабежей, поджогов, саботажа и других уголовных деяний; 2) содействие при разрешении государственно-полицейских задач, донесение немецкой полиции или военным структурам сведений обо всех враждебных для оккупантов действиях партизан и любых видах сопротивления; 3) поддержание общественного порядка среди гражданского населения: надзор за порядком уличного движения, контроль над топкой печей, над очисткой улиц и площадей населенных пунктов, содействие в выполнении предписаний, касающихся обеспечения населения продуктами питания. Полиция была компетентна в пределах административно-территориальной единицы, вне ее могла действовать только в случае опасности или по особому распоряжению немецких властей. В крупных общинах в рамках полиции могли создаваться отделы. Начальник полиции и начальники отделов назначались немцами. Полицейские имели право производить аресты граждан по предписанию начальства. Несанкционированные аресты разрешались в случае поимки на месте правонарушения, при бегстве подозрительных личностей, невозможности установить личность, при нападении и оскорблении полицейского [2, л. 650–651 об.].

Основной задачей полиции являлась борьба с правонарушениями. Например, за одну неделю в марте 1942 г. Борисовская полиция рассмотрела 11 административных дел, по которым бургомистр Борисова наложил взыскания на граждан: кража колхозного ячменя – принудительные работы 14 дней; кража колхозного сена – принудительные работы 7 дней; халатное отношение к службе – арест 14 суток плюс 110 руб. штрафа; нарушение порядка прописки – 100 руб.; нанесение побоев – 300 руб.; кража овса – 500 руб.;

кража (без уточнения чего именно) – 1 месяц ареста; утеря паспорта – 100 руб.; кража муки – 14 суток принудительных работ; кража картофеля – 14 суток принудительных работ; хулиганство – арест 14 суток [3, л. 9]. За 1942 г. у одного из следователей Борисовской полиции осталось в производстве 6 неоконченных дел: по подозрению в проституции, об укусе человека собакой, об обвинении двух граждан в грабеже, о присвоении личных вещей, о получении хлебных карточек два раза, о краже гусей [4, л. 13]. По 1-му отделению службы порядка г. Борисова за 1942 г. значилось 14 незакрытых дел, по двум из которых инкриминировалось хулиганство, 7 – кража, 3 – продажа водки, а также присвоение часов и утеря паспорта [4, л. 14].

Конфискованными во время задержания вещами распоряжались инстанции, определявшие меру наказания. Так, Борисовская районная управа 18.02.1942 г. сообщала начальнику 3-го отдела службы порядка, что решением комендатуры гражданин, задержанный за поездку в деревню без пропуска, оштрафован на 1 000 руб., при этом конфискованные у него ботинки, пила и два мешка, находящиеся в камере вещественных доказательств, подлежали возврату [5, л. 32]. В другом случае двое граждан за спекуляцию самогоном были оштрафованы комендатурой на 500 руб., а изъятые 30 пачек дрожжей весом 15 кг передавались хлебопекарне [5, л. 35]. В аналогичном случае районная управа предписала полиции оштрафовать на 1 000 руб. гражданина, обвиняемого в приготовлении к самогоноварению, а изъятый самогонный аппарат передать Утильбазе [5, л. 36].

Полиция привлекалась для изъятия незаконно находящегося у граждан имущества, в частности, собственности отправленных в гетто евреев, выявить место нахождения которой удавалось благодаря заявлениям граждан [6, л. 16]. Так, например, начальник полиции г. Борисова сообщает, что евреи перед переселением в гетто отдавали соседям-христианам свое ценное имущество, и просит у главы местной администрации распоряжений, как поступать с теми, кто получает имущество евреев [7, л. 24]. Начальник полиции г. Ново-Борисова на основании распоряжения начальника городской и районной управы 16.09.1941 г. потребовал изъять у населения коров и коз, приобретенных с момента начала боевых действий, а также скот, принадлежавший ранее евреям. Полиция должна была собрать сведения о скоте, который был продан или передан евреями в сельскую местность, указав имя прежнего владельца и нынешнего держателя [8, л. 176, 176 об.]. Управляющий лесозавода в письме к промышленному отделу Борисовской городской управы просит изъять у граждан корову и кабана, принадлежавших ранее еврею, и передать их для нужд столовой завода. Начальнику Новоборисовской полиции было поручено изъять скот у граждан [9, л. 51]. Следователь Сенненской полиции 5.04.1943 г. допросил гражданина на предмет законности владения лошадью. Последний показал, что 30.03.1943 г. он шел в г. Сенно по разгромленной партизанами волости и в лесу возле д. Заозерье увидел лошадей, одну из которых взял себе. Впоследствии, как предположило следствие, лошадь была продана другому гражданину, хотя такая операция с незаконно приобретенным имуществом рассматривалась властями как нарушение [10, л. 32, 32 об.].

Изымалось также имущество граждан для нужд местной администрации. Начальник Городокского района на основании устного распоряжения коменданта от 11.09.1942 г. приказал изъять у 25 граждан за плату музыкальные инструменты (мандолина, гитара, балалайка) для районной полиции [11, л. 7]. Городокская районная управа 10.10.1942 г. приказала начальнику полиции срочно выселить гражданина в другую квартиру из дома, который предназначался для детского дома [11, л. 8].

Одной из задач полиции являлась охрана частной и коммунальной собственности от расхищения. Борисовская городская управа в письме к начальнику полиции от 30.12.1941 г. констатировала, что, вопреки данным ранее распоряжениям, борьба с грабежами в городе не ведется, граждане даже днем разбирают на топливо пригодные для жилья строения. В очередной раз приказывалось вести решительную борьбу с этим явлением, привлекаемая виновных к ответственности через фельдкомендатуру, и докладывать управе каждые пять дней о результатах [12, л. 24, 24 об.].

Среди совершаемых гражданами правонарушений доминировали кражи, численный рост которых объясняется сложнейшей социально-экономической ситуацией в годы оккупации. В полицию поступали письменные заявления граждан о краже имущества, удостоверений личности, денег [13, л. 20; 6, л. 17]. Украденное имущество граждане потом могли увидеть на базаре или в пользовании других лиц. Жительница г. Могилева подала заявление в полицию, что часть украденных у нее вещей находится в доме другой гражданки, что подтвердилось в результате обыска [14, л. 3].

Заявления граждан фиксировались в протоколах обвинительных показаний. Так, 25.03.1944 г. житель г. Богушевска 1913 г.р. заявил в полицию, что в этот день его жена выявила пропажу из ямы около 20 пудов картофеля стоимостью 200 марок. Заявитель обнаружил идущий от ямы санный след, который вел к дому, в котором проживала местная жительница и двое беженцев. Заместитель командира отделения полиции в присутствии жены потерпевшего произвел обыск в указанном доме, где был обнаружен картофель весом 17 пудов, который был возвращен потерпевшим [15, л. 6, 6 об.]. Три дня спустя сотрудники полиции составили акт изъятия у трех подозреваемых 17 пудов картофеля (акт был подписан понятыми) [15, л. 7]. Обвиняемая в воровстве местная жительница 1896 г.р., домохозяйка, белоруска, беспартийная, указала, как явствует из протокола допроса, что картофель не воровала, а достала его из своей ямы (три корзины, около 2 пудов). При этом она показала, что проживающие в ее доме беженцы вскрыли яму с картофелем, принадлежащим гражданке, чей сын находился в партизанах (в документе фигурирует выражение *партизанский картофель*, присвоение которого фактически рассматривалось фигурантами дела как нормальная практика. – Е. Г.). При повторном допросе она призналась, что все же они втроем брали картофель у партизанской семьи, но были задержаны полицией, называла это ошибкой (перепутали ямы партизанской семьи и потерпевших) [15, л. 2, 2 об., 3]. Допрошенные беженцы (мужчина 1899 г.р., уроженец Гомельского района, и женщина 1989 г.р., уроженка северного

Кавказа, ранее не судимые, беспартийные) первоначально показали, что купили картофель у неустановленного лица, но при повторном допросе сознались, что, вместе с первой обвиняемой, действительно взяли картофель из ямы, думая, что она принадлежит партизанской семье [15, л. 4 – 5 об.]. В заключении по данному делу начальниками 1 и 2-го отделов Богушевской полиции констатировалось, что обвиняемые действительно планировали присвоить картофель гражданки, проживавшей в настоящий момент в Новосельской волости, чей сын ушел в партизаны (указывалась информация, что ее сын погиб при атаке партизан на опорный пункт полиции, что демонстрировало осведомленность полиции), но ошибочно вскрыли другой бург. Несмотря на намерение присвоить картофель партизанской семьи, делать это без санкции властей они не имели права, к тому же совершили правонарушение ночью, во время комендантского часа, поэтому за правонарушение каждый обвиняемый был оштрафован на 25 марок, а за воровство приговорен к двум неделям тюремного заключения. На момент вынесения обвинительного заключения все они были арестованы и находились в Богушевской тюрьме. Материалы дела были переданы полицией на утверждение Богушевскому ортскоменданту [15, л. 8, 8 об.].

Случай кражи описывался и в постановлении следователя 1-го отдела полиции г. Борисова от 20.12.1943 г. Из него следовало, что 1.12.1942 г. со двора гражданки ушла корова, которая была поймана военнопленными солдатами (двое русских и украинец), работавшими при германской воинской части. Корова была убита, мясо спрятано на квартире, где проживали солдаты, но было обнаружено полицией и возвращено владелице. Следователь постановил заключить виновных в тюрьму, а материалы следствия направить в ГФП для определения меры наказания [16, л. 16].

Часто фигурантами дел о воровстве становились дети. Из протокола допроса Борисовской полицией двух несовершеннолетних 1930 и 1932 г.р. от 29.03.1944 г. явствовало, что один из братьев (13 лет) по наущению совершеннолетней гражданки украл мануфактуру у проживавшей в их квартире беженки. Брат его показал, что тот воровал неоднократно, покупая конфеты на деньги, вырученные от продажи краденого [17, л. 3–5]. В постановлении начальника службы порядка г. Борисова от 23.10.1942 г. сообщалось, что несовершеннолетний выбил окно в квартире гражданки и похитил одежду, обувь и продукты. Впоследствии он сознался в содеянном, часть похищенного была обнаружена. Учитывая несовершеннолетие правонарушителя, он был отдан под надзор родителей, которых обязали уплатить в пользу потерпевшей 1 500 руб. штрафа [18, л. 12, 12 об.].

Объектом краж становилось имущество предприятий и учреждений. Из постановления начальника 1-го отдела службы порядка г. Борисова от 18.11.1942 г. следует, что 10.11.1942 г. заведующая магазином № 9 сообщила о случившейся накануне краже (было украдено 15 буханок хлеба). Следствие возложило вину на сторожа, который на время оставил объект без надзора, за что был приговорен к 20 дням принудительных работ [5, л. 16]. Старшина

Москаленятской волостной управы сообщал в Городокскую районную полицию, что гражданин воровал из здания школы стекло, которое было обнаружено у него дома [6, л. 11].

Типичным нарушением также являлось самогонование. Например, в акте полиции Городокского района от 9.02.1943 г. значилось, что на одном из хуторов Москаленятской волости начальником криминального отдела полиции был найден самогонный аппарат и микроскоп (гражданину также инкриминировалась кража микроскопа). На допросе обвиняемый (был предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний) утверждал, что самогон не изготавливал, а металлическая трубка использовалась в бане для нагрева воды. В обвинительном заключении было отмечено, что обвиняемый, с его слов, самогон не гнал, а микроскоп был оставлен проживавшей в его доме школьной учительницей [19, л. 34 – 36]. Случай самогонования расследовала и Богушевская полиция. Житель г. Богушевска 1911 г.р., женатый, шофер по специальности, на момент допроса безработный (не типичный момент для 1944 г. – *Е. Г.*), проходивший службу в РККА в 1933 – 1935 гг., беспартийный, не связанный, по его словам, с НКВД, обвинялся в самогоновании. В 1937 г. был приговорен за автоаварию на 3 года тюремного заключения. Допрошенный показал, что 29.03.1944 г. он по просьбе шурина гнал самогон, в дом зашли полицейские, которые изъяли самогон и аппарат, его самого арестовали и отправили в тюрьму в г. Богушевск. Обвиняемый указал, что занимался самогонованием впервые. Его шурин, заместитель бургомистра и начальник продовольственного отдела районного управления, объяснял, что был награжден Богушевским ортскомендантом медалью и по этому случаю собирался устроить торжественный вечер, для чего попросил выгнать самогон. Оба подтвердили, что протокол записан с их слов верно и зачитан вслух. Удостоверили это своими подписями. Оба акцентировали внимание следствия на смягчающие обстоятельства [20, л. 3, 3 об.].

Периодически полиция расследовала дела об убийстве. По заявлению старосты, начальник уголовного розыска и начальник охраны г. Городка 23.12.1942 г. прибыл в д. Хомяково Болецкой волости для расследования обстоятельств убийства крестьянина. Картина вырисовывалась следующая. В дом зашли немецкие солдаты, умылись и стали заряжать оружие, в результате случайного выстрела был убит мужчина 1925 г.р. Полиция констатировала смерть от огнестрельного ранения и тот факт, что солдаты старались оказать помощь, но потом скрылись в неизвестном направлении, что было зафиксировано в акте [19, л. 1].

В компетенции полиции находились охрана общественного порядка на улицах, рынках, в местах проведения массовых мероприятий (киносеансы и др.) и контроль за исполнением распоряжений о наказании [12, л. 18]. Начальник полиции г. Могилева 11.02.1943 г. отдал распоряжение приставу 2-го района взыскать штраф с трех граждан за лесонарушения, 5.05.1943 г. он приказал приставам 1-го и 2-го районов взыскать штрафы за нарушение

правил санитарного надзора за продуктами питания и за невыход на работу по перевозке беженцев, спустя два дня сообщил приставу 2-го района, что штраф для одного гражданина отменяется ввиду предоставления справки о болезни лошади [21, л. 23, 17, 18, 19]. Бургомистр Борисова 2.06.1942 г. оштрафовал на 30 руб. гражданина за курение во время театральной постановки, о чем известил полицию [3, л. 148].

Полиция привлекалась к мобилизации граждан и транспортных средств на различные работы, реагировала на жалобы глав местной администрации, чьи работники не являлись на работу [22, л. 3, 42, 125; 23, л. 57]. Начальник Борисовского района дал указание начальнику полиции разыскать гражданку, работавшую у генерального комиссара Белоруссии, которая самовольно оставила место работы и совершила кражу имущества [3, л. 67]. Биржа труда г. Борисова 9.06.1942 г. обратилась с просьбой к начальнику районной полиции доставить 13 жителей пяти волостей, самовольно покинувших торфозавод «Пастбище», а на следующий день ходатайствовала о возвращении 58 рабочих на торфозавод «Ухолода» [24, л. 2, 4, 4 об.]. Полицейские участвовали в мобилизации рабочей силы на работу в Германию, от которой граждане активно уклонялись, и охраняли сборные пункты [25, л. 21, 8].

Полицией рассматривались жалобы граждан, фигурантами которых являлись сами же полицейские. Так, в д. Дубовый Лог Борисовского района у крестьянина французскими солдатами была отнята лошадь, которая впоследствии была продана полицейскому за 40 000 руб. Позднее пострадавший гражданин опознал свою лошадь, которая и была ему возвращена управлением службы порядка. Управление ходатайствовало перед военно-полевым агрономом о выдаче полицейскому лошади взамен возвращенной владельцу [26, л. 58]. В заключении следователя Толочинской районной стражи (апрель 1944 г.) значилось, что крестьяне д. Волковичи жаловались на полицию, изъявшую у них 8 лошадей, хлеб и другие вещи. Командир отряда обвинения отрицал. Материалы дела были переданы на рассмотрение фельджандармерии для принятия мер, поскольку, по мнению следователя, командир скрывал преступные действия полицейских [27, л. 11].

В компетенцию полиции входил контроль за выполнением распоряжений местных властей относительно санитарного состояния и благоустройства населенных пунктов. В декабре 1941 г. околоточным надзирателям Борисовской полиции предписывалось организовать силами населения расчистку колодцев от намерзлого льда, чтобы избежать несчастных случаев, и далее периодически проверять их состояние [28, л. 1]. Командир Борисовского батальона полиции в приказе от 8.03.1944 г. отмечал, что в последнее время со стороны полицейских наблюдается «ослабление» надзора за порядком и санитарным состоянием города: тротуары песком не посыпаются, улицы и дворы не очищаются [29, л. 44].

Разбирались бытовые и семейные конфликты. Так, служба порядка Сенненского района 23.07.1943 г. рассмотрела жалобу одной гражданки на другую о том, что та присвоила ее муку во время помола зерна на

мельнице [15, л. 164–164 об.]. Гражданка жаловалась начальнику Борисовской полиции на нигде не работавшую любовницу мужа, которая в итоге получила повестку на работу в Германию [22, л. 257 – 258].

По запросам силовых структур производился розыск конкретных лиц. Начальник Городокской районной полиции в ответ на запрос начальника Службы охраны порядка г. Витебска от 22.02.1943 г. сообщал, что в д. Синебрюхи Войхановской волости проживают трое граждан с фамилией, указанной в запросе, но не отмечено отчество и год рождения разыскиваемого. Один гражданин был привлечен германскими военными для сопровождения скота и пропал, о двух других сообщалось, что они ушли в партизаны [19, л. 50]. В полицию обращались граждане, чьи родственники были арестованы по подозрению в связях с партизанами. Жительница г. Городка просила начальника районной полиции освободить из трудового лагеря ее мать, которая была отправлена туда полицией из Пальминской волости. В заявлении указывалось, что из этой семьи в партизанах никого нет [19, л. 54].

Осуществлялся контроль за порядком регистрации и перемещения граждан. Например, 20.05.1942 г. начальник полиции г. Ново-Борисова сообщал начальнику районной управы, что пропуска свободно выдаются лицам, связанным с партизанами, и предлагал впредь не выдавать их без разрешения полиции [22, л. 256, 256 об.]. В другом случае 21.05.1942 г. он указывал жилищному управлению г. Ново-Борисова на нарушение порядка прописки граждан и ведения домовых книг [22, л. 266].

Полиция имела сеть осведомителей. О партизанах и их семьях, лицах, совершивших правонарушение, граждане (у каждого была своя мотивация) докладывали в полицию непосредственно или через местную администрацию. Старшина Корсаковичской волости в августе 1942 г. сообщил начальнику Борисовской районной полиции, что, согласно заявлению жителя д. Боровляны, 23 августа в районе хутора Улесье, где находился лагерь партизан, приземлились 4 девушки-парашютистки [30, л. 35]. Сотрудник Ветринской районной полиции 14.02.1944 г. расследовал дело находящихся под арестом жительниц д. Сельцо и д. Горяни (1873 г.р. 1928 г.р.), подозреваемых в связях с партизанами. Было установлено, что гражданки с партизанами никак не связаны, первая была арестована в д. Горяни без документов, куда пришла навестить сестру, вторая оказала ей помощь в переправе через реку [31, л. 140]. Тот же сотрудник 20.12.1943 г. допросил жительницу 1896 г.р. из пос. Гатовщина, которая показала, что ее брат со своей семьей находится в партизанах, но она связи с ним не имеет [31, л. 150].

В случае задержания граждан по подозрению в связях с партизанами или за различные правонарушения (подделка или отсутствие документов) командиры подразделений полиции перенаправляли их в соответствующие отделы полиции или в СД для проведения дознания [25, л. 1, 5].

Привлеченные к ответственности граждане стремились выяснить, по чьему доносу они подвергались репрессиям, и грозили отомстить доносчикам, которые также жаловались полиции [23, л. 79, 79 об.]. Житель Болецкой волости Городокского района 13.10.1941 г. сообщал полиции, что, после его доноса на соседа, тот угрожает ему смертью [6, л. 12, 12 об.].

Таким образом, наряду с выполнением репрессивных функций, полиция в интересах оккупационных властей и местной администрации пыталась противодействовать нарушению правопорядка. В тяжелейших условиях военного времени полиция выполняла функции, аналогичные тем, что осуществляла советская милиция в довоенный и поствоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гребень, Е. А.* Полиция периода нацистской оккупации Беларуси: социальные характеристики / Е. А. Гребень // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 10 красавіка 2015 г. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2016. – Вып. 14. – 304 с.
2. Государственный архив Минской области (далее ГАМн). – Фонд 1613. – Оп. 1. – Д. 1.
3. ГАМн. – Фонд 624. – Оп. 1. – Д. 8.
4. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 66.
5. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 70.
6. Государственный архив Витебской области (далее ГАВт). – Фонд 2084. – Оп. 1. – Д. 5.
7. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 37.
8. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 11.
9. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 12.
10. ГАВт. – Фонд 2150. – Оп. 1. – Д. 1.
11. ГАВт. – Фонд 2084. – Оп. 1. – Д. 3.
12. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 2.
13. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 51.
14. Государственный архив Могилевской области (далее ГАМог). – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 31.
15. ГАВт. – Фонд 2087. – Оп. 2. – Д. 15.
16. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 123.
17. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 172.
18. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 64.
19. ГАВт. – Фонд 2084. – Оп. 1. – Д. 1.
20. ГАВт. – Фонд 2087. – Оп. 2. – Д. 10.
21. ГАМог. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 47.
22. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 24.
23. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 6.
24. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 107.
25. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 71.
26. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 72.
27. ГАВт. – Фонд 2078. – Оп. 1. – Д. 5.
28. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 2. – Д. 1.
29. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 2. – Д. 20.
30. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 40.
31. ГАВт. – Фонд 2830. – Оп. 1. – Д. 1.